

ОДА КНИГЕ

БЕСЕДА С В.Н. АЛЕКСЕЕВЫМ, ФИЛОЛОГОМ-ДРЕВНИКОМ, ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ РЕДКИХ КНИГ И РУКОПИСЕЙ ГПНТБ ПОСВЯЩАЛАСЬ ДНЮ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, НО КРУГ ВОПРОСОВ ОКАЗАЛСЯ НАМНОГО ШИРЕ...

Фото В. Новикова

В. Садыкова

— День славянской письменности и культуры, день памяти святых — просветителей славян Кирилла и Мефодия — единственный праздник, который совместно отмечается и светским обществом и православной церковью.

Праздник имеет сравнительно недавнюю традицию — в начале 80-х мы устраивали в этот день первую выставку древних книг, а пять лет назад Новосибирск был уже российским центром празднования, и сюда съезжались люди со всей страны, хотя у Новосибирска для этого меньше оснований, чем, например, у старинных сибирских городов, таких как Тобольск, Иркутск, Красноярск, Томск. Тем не менее у нас нашлась своя историческая ниша — ниша памяти.

Готовясь к этому празднику, мы ощутили, что, действительно, есть все основания, чтобы этот праздник отмечался здесь: есть прекрасное собрание древнерусских книг, рукописных и старопечатных, есть интерес к этому пласту духовной культуры. Несмотря на то, что Новосибирск сравнительно молод, исторические традиции понемножку укореняются в городе, потому что не может никакое человеческое общество развиваться без осознания своего прошлого, своей истории. Я думаю, что празднование Дней славянской письменности во многом способствует тому, что у нас в городе историческое мышление — отношение к своему прошлому как к тому, что помогает решать сегодняшние проблемы — дает глубокие корни, становится более зримым и весомым.

Более двадцати лет мы к этим дням устраиваем книжные выставки, на которых показываем старинные рукописи. Кстати, мало кто знает, что, например, в Новосибирске хранится одна из древнейших славянских рукописей, выполненных на бумаге — рукопись 1364 года, созданная в Хилондарском монастыре на Афоне, и она имеет запись с датой изготовления. Это одна из древнейших точно датированных рукописей на бумаге, подлинное сокровище, которое напрямую связано с деятельностью Кирилла и Мефодия, даровавшим славянам письменность. Получая письменность, человечество вступает в новый этап своего исторического развития, потому что такая достаточно зыбкая область, которую мы обозначаем термином «духовная культура», может передаваться только при помощи письменности,

передача устным, эпическим способом недостаточно надежна. Зафиксированное на письме человеческое слово, мысль доступны не только ближайшим потомкам, но и людям через много поколений. Поэтому этот праздник во многом знаковый, он говорит о том, что в основе всей нашей сегодняшней культуры лежит письменность. И сколько бы мы не говорили о развитии новейших информационных технологий, которые базируются на использовании вычислительной техники, мультимедийных технологий, в основе всего этого все равно лежит письменность. Без письменности все это мертво. Этот праздник — не только дань памяти, но и признание сегодняшних ценностей всей нашей культуры.

— Владимир Николаевич, а кто вовлекается в орбиту праздника, в основном, молодежь, студенты, школьники?

— Безусловно, молодежь острее реагирует на неординарные события. Устраивая выставки, мы понимаем, что в первую очередь они будут интересны молодежи, хотя это не исключает участия и других поколений. Мы это приветствуем и рассчитываем на это.

Довольно большая выставка, посвященная Дню славянской письменности и Дню библиотек, проходила в краеведческом музее — ежедневно ее посещало огромное количество школьных экскурсий. Это прекрасный повод для того, чтобы приобщить детей к культуре, истории. Мы прекрасно осознаем, насколько сегодня упала роль книги. Книга подменяется телевидением, электронными средствами коммуникации, но мы считаем, что в обществе обозначается не совсем верная ориентация, потому что книгу трудно полностью заменить альтернативными источниками. Книга существует много веков и тысячелетий, и эта форма удивительно универсальна, максимальна приспособлена для общения с ней человека, она обеспечивает максимальную духовную свободу и побуждает его мыслить.

— День славянской письменности и культуры в нашем городе традиционно базируется на мероприятиях, организуемых Отделом редких книг и рукописей. Сколько лет уже вашему отделу, и какие принципы формирования фонда были положены в основу?

— По сути дела, фонд начал формироваться с 1965 года, после первой археографической экспедиции. Книги, которые привозили из разных уголков Сибири, постепенно аккумулировались в ГПНТБ, позднее Институт истории СО РАН стал собирать свою коллекцию. С книгами,

которые приходили к нам из экспедиций, было все понятно: мы должны их хранить, предоставлять для работы специалистам, ученым, использовать для культурно-просветительской работы и т.д.

Кроме этих книг, каждая из которых, безусловно, представляет культурную и научную ценность, в библиотеку поступает огромное количество книг, которые требуют особого отношения, специального хранения. Так возникла идея создания Отдела редких книг и рукописей. Мы обратились к опыту наших коллег — сотрудников московских, петербургских хранилищ и постарались понять, что же библиотекари, архивисты в прежние времена собирали в отделах редких книг.

В подобных отделах обычно собирались книги, которые редко можно встретить в библиотеках. Среди них часто находятся всякого рода курьезные издания. Например, издания одного из русских помещиков первой половины XIX века об особенностях псовой охоты — всего-то по несколько экземпляров для друзей-охотников. Если подходить с чисто формальных позиций, то книга редкая, представляет определенный интерес, но насколько она ценна в более широком понимании? Когда мы начали формулировать и обсуждать подобные вопросы, то очень многое из того, что составляет фонд редких книг крупных библиотек, оказывается малоинтересным для обычного человека, лишенного собирательского азарта. Мы даже придумали своего рода модель современной книги, которая была бы редка, тираж ее был бы минимален, сама книга — труднодоступна, не встречалась бы в продаже, в личных библиотеках... Нам казалось тогда, что такой книгой могла бы быть «Инструкция по тушению пожара на подводных лодках».

Но вот другой пример. Одна из самых ненаходимых русских книг XVIII века — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева 1790 года — редкая книга, во всем мире известно 7 экземпляров этого издания. (Мы, кстати сказать, имели возможность получить в академическую библиотеку один из этих экземпляров, но не по своей вине эту возможность не использовали.) Императрица Екатерина, прочтя эту книгу, начертала на полях: «Бунтовщик хуже Пугачева!». Что, собственно, и определило судьбу книги как редкой: тираж был уничтожен и только несколько разошедшихся экземпляров сохранились. Это, несомненно, редкая книга, но здесь само качество редкости несколько особое. То, что

поняла императрица, прочтя эту книгу, наверное, главное достоинство этого сочинения. И мы, очевидно, должны ценить эту книгу не за то, что она редка, а за то, что она несла такое содержание, которое пробудило от спячки не одну императрицу...

Когда мы взяли хрестоматийный пример с радищевской книгой, для нас очень многое предстало в совершенно ином свете — мы постарались перенести акцент с категории совершенно формальной — редкости — на более значимую для человека категорию — содержания книги. Мы стали сомневаться в универсальности самого понятия «редкая книга». Действительно, это понятие только частично вбирает в себя то, что является в книге наиболее значимым, привлекательным для человека, за что эту книгу любят, ищут, за чем к ней обращаются.

Я лишь коротко рассказываю о том, что на самом деле заняло немало времени, сил и энергии. Мы пришли к выводу, что не будем стремиться искать «редкие книги». Конечно, если будут попадаться уникамы, мы не будем проходить мимо, но главный наш интерес должен быть сосредоточен на поиске тех книг, которые сумели в момент своего появления на свет произвести максимальную духовную работу в обществе, изменить каждого человека, который обращался к этой книге. Если мы ставим такую цель своего собирания, то нас уже должны в этом контексте интересовать не те книги, которые охватили минимум читателей, а те книги, которые сумели охватить наиболее широкий круг людей. И тогда эта категория — редкость книги — для нас ушла в тень. Мы по-прежнему называемся Отделом редких книг, хотя в наших приоритетах нет именно редких книг. В конце концов мы даже придумали обозначение этой категории книг, которые представляют какой-то другой исторический и культурный интерес — книжные памятники. Это не просто «редкие» или «ценные» книги — это книги-памятники, книги, наиболее полно вобравшие в себя наивысшие взлеты человеческого духа. Я очень рад, что эта наша придумка пошла по всей стране и, правда, без ссылки на первоисточник, получила широкое хождение. Сейчас даже существует инструкция Министерства культуры по работе с книжными памятниками.

Так сложилось, что мы в самих названиях пытаемся запечатлеть историю. Название нашей библиотеки — «Государственная публичная научно-техническая библиотека» — тоже не совсем соответствует

своей сути. Мы уже более пятидесяти лет перестали быть только научно-технической, потому что, как только мы получили право получения обязательного бесплатного экземпляра всех книг, выходящих в стране, мы стали превращаться в библиотеку универсальную. Но в названии мы сохраняем определенный исторический этап развития, когда ГПНТБ была научно-технической библиотекой. Кстати сказать, нынешний год для сибирской академической библиотеки юбилейный — ей исполняется 90 лет со дня основания и 50 лет со дня вхождения в состав Сибирского отделения Академии наук.

Также мы не стремимся поменять название своего отдела, хотя в последние годы к нему добавилось еще одно — Музей книги. Это, я считаю, правильно. Мы с первых шагов своей библиотечной деятельности довольно много внимания уделяли культурно-просветительской работе — устраивали выставки, в том числе и выездные, водили по ним экскурсии. Довольно часто ездили по сельским библиотекам Новосибирской области. Сейчас мы не можем себе это позволить, потому что изменились правила работы с древними книгами-памятниками. Просто мы стали чаще устраивать в отделе такие выставки, которые привлекали бы посетителей, в первую очередь, школьников. Хотя наша библиотека со школьниками младших классов не работает (нам запретили это делать по прозаической причине — из-за особенностей конструкций лестничных пролетов в библиотеке), мы принимаем детей, начиная с шестого класса. Я считаю, что это правильно, потому что в раннем возрасте легче увлечь детей чем-то новым. Например, они изучают историю Древнего Египта: а как в Сибири наглядно показать, что такое папирус? А у нас они могут увидеть своими глазами папирус, мы можем рассказать, как его изготавливали, что из него делали; показать наши древнейшие материалы для письма, берестяные книги, грамоты. Редко где в Сибири можно увидеть такие свидетельства старины глубокой!

В последнее время мы все чаще практикуем выставки в Краеведческом музее, который могут посещать школьники всех возрастов. В декабре прошлого года мы устраивали большую экспозицию под названием «Книжные сокровища Новосибирска»; там были не только наши книги, мы пригласили к участию и областную библиотеку, и Музей новосибирской книги, были привлечены и богатейшие фонды самого

краеведческого музея. Все школьные каникулы шли бесконечные экскурсии, и наши рассказы о книгах находили живой отклик в душах детей, несмотря на то, что роль книги сегодня незаслуженно принижена. Оказывается, что большинству детей, кроме мультфильмов и компьютерных игр, интересно и многое другое, и мы, конечно же, должны использовать любые возможности замещения подобного интереса вещами, которые имеют непреходящую ценность.

— Скажите, а книга 1364 года тоже была найдена в Сибири?

— Нет, эта книга была передана академиком М. Н. Тихомировым вместе со всем его бесценным собранием рукописей для того, чтобы поддержать развитие гуманитарного направления в Сибирском отделении. Он был академиком-секретарем Отделения исторических наук и очень ревностно относился к тому, что Новосибирский научный центр первоначально мыслился исключительно как научное образование, занимающееся точными и естественными науками. Ну, и, как показывает жизнь, без гуманитарных наук круг не полный. Была в свое время издана книга Никиты Николаевича Моисеева, который всю жизнь занимался точными науками, но перед смертью закончил книгу, главная мысль которой в том, что в XXI веке, если мы не изменим наших приоритетов и в обыденной жизни, и в научной деятельности, не обратимся к гуманитарной, человеческой составляющей, то нас ждет далеко не светлое будущее.

— А как сейчас обстоят дела с экспедициями, как пополняется фонд, или за полвека все ценные книги в Сибири найдены? Какая работа по изучению книг, вовлечению их в научный оборот ведется в отделе?

— Дни славянской письменности падают на самый горячий период подготовки к экспедиционным поездкам, с организацией которых в последние годы стало немножко легче. Хотя сорок с лишним лет у нас не было ни одного года, когда поездки не состоялись бы и не было каких-то находок. Мы благодарны Российскому гуманитарному научному фонду: сколько лет он существует, столько лет мы получаем гранты от него на экспедиционную работу. Сибирское отделение также продолжает по возможности финансировать нашу работу «в поле». Эта работа до сих пор дает неплохие результаты. Конечно, если сравнивать с теми годами, когда мы только-только «осваивали» Сибирь в археографическом плане,

когда мы попадали в такие районы, где старообрядчество составляло основную массу населения, количественно находок было больше. Сегодня их меньше, если полтора-два десятка книг наши экспедиции приносят, это прекрасный результат.

Сегодня нам практически известно большинство старообрядческих районов Сибири, и мы там хорошо известны, известны наши цели, планы, интересы, и в результате наши немногочисленные находки подчас оказываются более содержательными. Мы нередко берем и поздние старообрядческие издания, и тратим силы, чтобы получить служебные рукописи позднего времени. То есть, сегодня мы сосредотачиваем внимание и силы именно на том, что представляет наибольший историко-культурный интерес, что является книжным памятником, который можно отнести ко всем этапам освоения русскими Сибири.

В результате этой более чем 40-летней работы у нас сложился книжный фонд, который, на мой взгляд, имеет главную научную ценность не столько в отдельных книжных памятниках. Мне кажется, гораздо более широкий культурный интерес представляет само собрание, составленное из экземпляров, найденных на территории Сибири.

Книжное собрание позволяет нам представить несколько отличающуюся от привычной картину освоения русскими Сибири. Обычно, когда мы говорим об этом процессе, мы употребляем даже такой термин, как «колонизация» Сибири, мы говорим и о том, что русские, двигаясь на восток, принесли сюда новые орудия труда, которых не знали коренные жители, новый уровень социальных отношений, огнестрельное оружие, а вот то, что русские, двигаясь на восток, «встречь солнцу», к берегам Тихого океана несли с собой современный для них уровень духовной культуры, который наиболее полно, ярко и наглядно отражается в книгах — об этом просто не было основания говорить, поскольку эта сторона процесса была совершенно неизвестна. Сегодня есть определенный фонд книг, мы точно знаем, из какого места каждая его книга происходит, и мы можем говорить, что эти книги появились в Сибири с первыми волнами русских поселенцев. В этом отношении наше собрание просто уникально, оно представляет огромный научный интерес.

Этот интерес реализуется в исследовательских работах, время от времени мы выпускаем сборники научных трудов, в которых большинство публикуемых материалов базируется на наших источниках. Сейчас у нас в работе, уже на выходе, очередной выпуск сборника, в котором достойное место будут занимать материалы нашего фонда. То есть, это книги, которые востребованы и в культурно-просветительской работе, и в научной деятельности наших коллег-ученых.

— У вас и студенты, аспиранты работают с этими книгами?

— Да, с самых первых лет возникли наши контакты с Новосибирским государственным университетом. Считаю это принципиально важным — только благодаря тому, что с нами ездят преподаватели, аспиранты и студенты университета, нам удалось сделать то, что мы сделали. Без Новосибирского университета Сибирское отделение просто не смогло бы осилить такую титаническую работу.

— Владимир Николаевич, а старообрядческие поселения сохранились до наших дней или они все-таки ассимилировались с окружающим населением?

— Сохранились. Правда, и их коснулось время, они разительно меняются. Я помню, как в 90-е годы с нами в экспедицию к старообрядцам на Подкаменную Тунгуску ходили двое британских ученых. Они не занимались старообрядцами как таковыми, их интересовали скорее информационные процессы, протекающие в обществе. Там было действительно уникальное поселение — когда в конце 60-х годов мы обнаружили его, оно являло собой типично средневековый реликт — люди жили как бы вне времени. Правда, у них были современные ружья, охотничий промысел доставлял им средства к существованию, но, тем не менее, по духовному укладу это было средневековое общество. Я помню времена, когда там на праздниках люди пели духовные стихи. А тут получилось так, что промхоз (промысловое хозяйство), желая поощрить их ударный труд, предложил на выбор трелевочный трактор — бревна таскать из тайги, или электрический движок — то и другое требовало одинаковое количество горючего, которое завозится в те труднодоступные места только раз в год по реке. Победили сторонники электрического движка, который, кроме бытовых благ, дал возможность поставить антенну и пользоваться телевидением. И на наших глазах произошел

распад этой реликтовой структуры. Люди перестали петь духовные стихи, а стали петь песни из репертуара Аллы Пугачевой, хотя старики всячески сопротивлялись тому, чтобы молодежь смотрела телевизор. Но телевидение сделало свое разрушительное дело. Британцев в этой экспедиции интересовал как раз этот аспект, их интересовала та среда, которая еще недавно поддерживала совершенно иные законы своего духовного существования, а теперь так резко изменилась.

— Получается, революционные изменения в сознании человека произвели два основных события — книгопечатанье и телевидение? Сначала общество жило согласно законам, которые были прописаны в их старых книгах, а потом так, как учило телевидение...

— Получается так.

— За эти долгие годы через ваши экспедиции прошло множество студентов и аспирантов, многие из которых стали исследователями, сотрудниками библиотек, преподавателями школ и вузов, но, мне кажется, их всех объединяет причастность к чему-то сокровенному, возможно, к тем высоким нравственным истинам, которые несет древняя книга, или дает общение с учителями, преданными служителями науки? Наверное, это и есть научная школа?

— Да, наверное, можно говорить об археографической школе НГУ, руководителем которой является Елена Ивановна Дергачева-Скоп, доктор филологических наук, профессор. Я помню конкурс молодых ученых, который проводили еще при жизни Д. С. Лихачева в Пушкинском доме, и там все три первые места были заняты учениками Елены Ивановны. Это было в 98-м году, больше пока таких конференций не проводилось, но в этом году предпринимается попытка возобновить их. Тогда наши ребята не успевали подготовить тезисы к положенному времени, так организаторы передвинули сроки, чтобы новосибирцы смогли принять участие. Это неплохая демонстрация того, что школа новосибирских древников-филологов, историков, специалистов, занимающихся другими областями, связанными с древнерусской литературой, признана в стране, что она является заметной и значимой.

— Таких центров, занимающихся изучением древних археографических памятников, не так уж и много в стране?

— Да. Даже такой крупный центр изучения древнерусской литературы, как Санкт-Петербургский, сдает свои позиции. А у нас, мне кажется, тенденция другая — с каждым годом увеличивается приток молодых людей, которые проявляют интерес к этой сфере. Не все, конечно, выпускники работают по специальности, судьба их складывается по-разному, но, похоже, интерес к древней книге не пропадает даже у тех, кто уходит в бизнес. Одна из выпускниц, например, работает в Москве, совсем в другой области, но продолжает заниматься своей университетской темой. Она находит интереснейшие материалы, в свободное время работает в архивах, в библиотеках, постоянно звонит нам, сообщает о своих открытиях. Думаю, что в конце концов это выльется в какую-нибудь крупную научную работу, которая сможет быть защищена как диссертация.